

УДК 323.1

**АЛАРМИЗМ «КОРЕННОГО АМЕРИКАНЕЦА»
С. ХАНТИНГТОНА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИИ**

© 2012 г. **А.М. Кузнецов***

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

В статье анализируются основные положения книги С. Хантингтона «Кто мы?», рассказывающей о ситуации в Соединённых Штатах, связанной с латиноамериканской миграцией. Достаточно широко распространённый тезис об особом значении этой миграционной волны для США, разделяемый Хантингтоном, не вызывает сомнений. Однако позиция автора, призывающая к скорейшей ассимиляции выходцев из стран Центральной и Южной Америки, не соответствует новым реалиям самих США. Более действенный способ решения проблемы испаноязычных мигрантов связан с их полной интеграцией в американское общество.

Ключевые слова: *миграция, испаноязычные мигранты, ассимиляция, интеграция, нативизм.*

В 2004 г. у известного автора «Столкновения цивилизаций» и многих других работ вышла в свет ещё одна книга с названием «Кто мы?». Она не получила столь широкой известности, как многие из предыдущих его трудов, несмотря на то что посвящена актуальным проблемам: массовой миграции в США, взаимодействию мигрантов с принимающим обществом страны. В книге даются некоторые прогнозы по поводу будущего американской нации. Не так много появилось на неё и откликов, а рецензия в известном американском журнале вряд ли способствовала росту её популярности. Судите сами: «В “Солдате и государстве” и “Американской политической жизни” Хантингтон говорил правильные вещи, а в “Кто мы?” – он ошибается» [4]. Но, редкий случай, буквально сразу после появления в США, вышел перевод «Кто мы?» уже у нас в России [8]. Спустя четыре года увидело свет второе издание этой книги на русском языке. Однако каких-то серьёзных оценок проблем, поднятых автором, так пока и не случилось. Одна из немногих наших рецензентов Э. Спинова, подобно американскому коллеге, очень строго подошла к работе С. Хантингтона. Она увидела в ней в качестве главного – «смятение в национальном сознании Америки» и упрекнула автора в том, что он рассматривал

* **КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток. E-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

не столько кризис идентичности, сколько «изменение смысла основных культурных парадигм» [7, с. 168].

Уместно будет отметить, что точка зрения российских специалистов, подготовивших исследование на тему, которой посвятил свою работу и С. Хантингтон, существенно отличается от занятой учёным позиции [6].

Так что же случилось с ранее успешным и очень уважаемым автором, что на склоне лет он выпустил вдруг книгу, которая, получается, не очень украсила список опубликованных им работ? На поставленный вопрос отчасти ответил он сам, указав, что писал свой труд не просто как учёный, но, прежде всего, как патриот. Обратиться к теме патриотизма его побудили сентябрьские события 2001 г. Фактически Хантингтон в своей работе (которой суждено было стать его политическим завещанием) попытался понять, каким образом Америка должна противостоять такого рода вызовам, а для этого ему необходимо было выяснить, что же сегодня происходит в его стране [10].

Надо отдать должное автору, который хорошо понимает, что невозможно осмыслить современность вне общего исторического контекста. Поэтому в исследовании Хантингтона очень полно представлена историческая часть. Кроме того, ранее вместе с Л. Харрисоном в Гарвардском университете он разрабатывал проект «Культурные ценности и прогресс человечества». Некоторые результаты этого проекта были опубликованы незадолго до выхода в свет ставшей для С. Хантингтона последней книги [5]. Так что автор был уже знаком и с культурной проблематикой, важной для предпринятого им нового исследования. Столкнувшись же с изменчивой и многообразной событийностью современности, ещё не тронутой отбором случайного и необходимого, Хантингтон вынужден был воспользоваться материалами СМИ и другими мало «академичными» источниками. Отсюда, вероятно, и некоторый оттенок публицистичности в основной и особенно в заключительной частях книги. Но при этом Хантингтона нельзя упрекнуть, по крайней мере, в том, что он недостаточно глубоко изучил в предмет своего исследования.

Понятно также, что в современной Америке, формировавшейся как страна мигрантов и с определённого момента превратившейся в настоящий калейдоскоп расовых, религиозных, культурных групп и этнических диаспор, можно легко обнаружить как сугубо положительные образцы, так и нечто им противоположное. В подобной ситуации специалисты вынуждены выбирать, например, историк Д. Бурстин своё известное исследование, подготовленное в 1958, 1965 и 1973 гг., выдержал в сугубо позитивном ключе [1–3]. В начале XXI века свой выбор сделал и С. Хантингтон: в результате его работа получила вполне определённый алармистский настрой.

Впрочем, следует отметить, что автор далеко не одинок в своей обеспокоенности происходящим в его стране. Здесь достаточно напомнить о таком труде как «Разобщение Америки» другого историка А.Дж. Шлезингера младшего, собравшем достаточно много откликов. Сам автор представлял свою работу как «обобщенный взгляд на уловки мультикультурализма и афроцентризма» [11, р. 3]. Примечательно, что книга Хантингтона фактически развенчивает испаноцентристский вариант мультикультурализма. Однако обращение в конце XX – начале XXI века к исследованию одной из уже наиболее многочис-

ленных групп населения Америки, обладающей ярко выраженной культурной самобытностью, уже не могло основываться на ранее принятом **дискурсе расовых различий**. Начиная утрачивать свою актуальность и **культурологический подход**. Пришло время обсуждать проблемы подобного рода в рамках **дискурса идентичности**. Хантингтон в полной мере воспринял эту норму американской обществоведческой науки, положив её в основу своего труда: «Как известно, национальные интересы вырастают из национальной идентичности. Необходимо понимать, кто мы такие, прежде чем определять сферу своих интересов» [8, с. 31–32]. Но в таком случае автор должен был высказать своё отношение к самому концепту «идентичность» и показать какого рода реальность стоит за ним.

Для Хантингтона нет особого вопроса в том, что составляет основу американской идентичности. В русле сложившейся традиции, уходящей своими корнями ещё к Т. Джефферсону, он видит её в особой вере – «американском кредо». Для учёного «эта вера – порождение англо-протестантской культуры отцов-основателей, и её фундамент был заложен в XVII–XVIII веках. Ключевыми элементами этой культуры являются английский язык, десять евангельских заповедей, английские же представления о главенстве закона, ответственности правителей и правах отдельных личностей, а также “раскольнические” протестантские ценности – индивидуализм, рабочая этика, убежденность в том, что люди могут и должны создать рай на земле – или “град на холме”» [8, с. 16]. Дальнейшее развитие событий в стране, по мнению автора, привело к тому, что «в конце двадцатого столетия этой культуре» и связанной с ней идентичности «был брошен вызов: новая волна иммигрантов из Азии и Латинской Америки, растущая популярность доктрин мультикультурализма и диверсификации в интеллектуальных и политических кругах, распространение испанского в качестве второго языка на территории США и испанизация части американского социума, утверждение групповых идентичностей, основанных на понятии расы, этноса и пола, растущее влияние диаспор, крепнущая приверженность элит космополитизму и транснациональным идентичностям» [8, с. 16]. Именно этот вызов и решил принять С. Хантингтон, задавшись вопросом: кто мы в новых обстоятельствах?

По его данным, к концу XX века население США по своему составу представляло следующую картину: 69% – белые, 12% – латинос, 12% – чёрные, 4% – эмигранты из Азии и островных государств Тихого океана, 3% – все остальные группы. В религиозном же отношении на долю протестантов приходилось 63% населения страны, католики составляли 23%, представители разных других верований – 8% и атеисты – 6% [8, с. 34].

Такая картина стала возможной после либерализации миграционного законодательства страны в 1965 г., ставшей, в свою очередь, одним из последствий произошедшей в середине XX века «революции прав человека». Хантингтон убежден: «Америка была и остаётся англо-протестантской страной, приверженной свободе и демократии и в этом качестве она имеет перед собой четыре вызова. Вызов первый. Распад СССР устранил наибольшую и наиважнейшую угрозу национальной безопасности Америки и, следовательно, ослабил значимость национальной идентичности в сравнении с идентичностями субнацио-

нальными, транснациональными, двунациональными и другими... Вызов второй. Идеологии мультикультурализма и многообразия подорвали могущество ключевых элементов американской идентичности, основы культуры и “американской веры”. Вызов третий. Третья волна массовой иммиграции, начавшаяся в 1960-е годы привела в Соединённые Штаты множество латиноамериканцев и жителей Азии – в отличие от двух предыдущих волн, которые обе были европейскими по составу... Вызов четвёртый. Никогда раньше в Америке не было такой иммиграции, большинство представителей которой говорило бы на общем неанглийском языке».

Что же может тогда представлять сама идентичность в подобных условиях? Автор полагает: «Существует по меньшей мере четыре вероятностные модели грядущей идентичности: идеологическая, «двойная», националистическая и культурная. В реальности Америка будущего, окажется, скорее всего, сочетанием этих четырёх и прочих возможных идентичностей» [8, с. 44–46]. Нарисованная перспектива есть непосредственный результат принятой в работе трактовки концепта идентичность.

Хотя Хантингтон и знает о противоречивости трактовок самого этого концепта, и даже процитировал слова одного аналитика: «Концепция идентичности “столь же обязательна, сколь и не отчётлива” – сам он не видит здесь особой проблемы [8, с. 49] и солидарен с точкой зрения, согласно которой «идентичность – самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них». Значение идентичности Хантингтон видит в её влиянии на поведение человека (кем себя считаю, так и веду), включая и его отношения с окружением. Он признаёт: «индивиды приобретают идентичность и могут изменять её только в группах». Однако впоследствии сам же отходит от данного тезиса, характеризуя идентичности как конструкты (воображаемые сущности) [8, с. 50–52], отмечая множественность возможных идентичностей индивида/группы и очень часто ситуативную их природу. Значимость данного явления была объяснена потребностью индивидов в уважении, признании, одобрении. Идентичность, как полагает Хантингтон, тесно связана с культурой, т.е. с совокупностью «языка, религии, общественных и политических ценностей, социального кодекса, разграничивающего “хорошее” и “дурное”, “допустимое” и “недопустимое”, а также общественных институтов и поведенческих структур, отражающих эти субъективные элементы» [8, с. 64]. К сожалению, на этом обоснование концептуальных положений исследования современных проблем американской идентичности было завершено.

В соответствии со сложившейся традицией Хантингтон далее постулирует: «Американская идентичность определяется комплексом политических принципов, так называемым «политическим кредо» [8, с. 51]. Он также убеждён: «Отождествление Америки с идеологией “американской веры” позволило американцам претендовать на обладание “гражданской” национальной идентичностью, противопоставляющейся этническим и этнокультурным идентичностям других стран». Подобное самоопределение, полагает Хантингтон, «дало американцам основание утверждать, что они живут в «особой» стране, чья идентичность определяется не атрибуцией, а базовыми принципами, и что Америка –

«универсальное государство», чьи государственные принципы применимы ко всякому человеческому обществу» [8, с. 87]. Но при подобных амбивалентных оценках возникает важный вопрос, который нельзя обойти молчанием, связанный с определением характера американской культуры, лежащих в её основе базовых принципов и обусловленной ими идентичности. Ведь, «если американская идентичность формируется универсальными принципами свободы и демократии, можно предположить, что утверждение этих принципов в других странах должно стать основной целью американской внешней политики. А если Соединённые Штаты «уникальны», «исключительны», тогда у них нет ни малейшего стимула защищать по всему миру демократию и права человека» [8, с. 32]. Хантингтон признает: «американцы ещё ощущают настоятельную потребность «продвигать» в культуру других стран те самые этические начала, которым они по-прежнему привержены» [8, с. 132–133]. В этом смысле Америка и американская нация рассматриваются как носители вполне мессианской идеи.

Однако принятие подобных установок даёт основание автору утверждать, что Америка – давно страна не иммигрантов, а переселенцев [8, с. 74]. Он разделяет тезис о том, что «иммигранты разительно отличаются от переселенцев. У последних имелось собственное сообщество, они объединялись в группы, ставившие целью создание «новой земли», «града на холме» на далёких новых территориях... Миграция, как правило, носит личностный характер, затрагивая отдельных людей или их семьи, которые *индивидуально* определяют свои отношения со старой и новой странами проживания... Прежде чем иммигранты смогли перебраться в Америку, переселенцы должны были её основать» [8, с. 75]. Вероятно, исторической вехой, отделившей мигрантов от переселенцев, С. Хантингтон считал завершение Войны за независимость в 1783 г. Во всяком случае, рассматриваемые им конкретные данные различного рода, относятся к концу XVIII века и последующим периодам. Наряду с достаточно высокой однородностью в культурном и конфессиональном отношении общества переселенцев автор, следуя за историком Гордоном Вудом, констатирует их высокую мобильность. В свете этих данных, «американцы уже в 1800-х годах славились тем, что за время своей жизни переезжали с места на место четыре-пять раз; и через 200 лет, между мартом 1999 г. и мартом 2001 г. до 43 млн. американцев сменили место проживания [8, с. 91]. Именно подобный образ жизни, считается, оказал существенное влияние на самосознание американцев, которые не идентифицируют себя ни со страной, ни с её крупнейшими городами, но с политическими институтами. С указанными условиями связывалось и возникновение идеи фронта [8, с. 93].

Хантингтон, конечно же, рассматривает и вопрос о взаимоотношении сформировавшегося американского общества (и его взглядов) с другими общностями, прежде всего, с коренным населением и чернокожими невольниками. Долгое время позиция по этому вопросу была вполне определённая: «Белые американцы всегда ставили себя выше негров, индейцев, азиатов и мексиканцев и не считали никого из них полноправными членами общества» [8, с. 95]. Начавшиеся в 70-е годы XVII века войны колонистов с индейцами обособили их друг от друга. Более того, автор полагает, что именно тогда «английские коло-

нисты превратились в американцев» [8, с. 95]. Что касается чернокожих рабов, то отношение к ним долгое время определялось мнением Т. Джефферсона и других отцов-основателей, согласно которому «чёрным и белым, “равно свободным не ужиться под общей властью”» [8, с. 97]. Как отмечает Хантингтон, мнение о принципиальной несовместимости чёрных и белых американцев проникло так глубоко в недра американского общества (т.е. белого), что даже «президент Линкольн заявил в 1862 г. «первой группе чернокожих посетителей Белого дома, что им следует отправиться в Африку» [8, с. 97–98]. Принцип «неотъемлемого неравенства рас» в той или иной степени сохранялся вплоть до середины XX века, пока не был официально ниспровергнут в 1965 г. с принятием закона «О гражданских правах для чёрных». Следует также отметить, что укоренившаяся точка зрения влияла и на ограничительный характер миграционной политики США.

Следовательно, обзор ранних этапов национальной истории США, проведённый С. Хантингтоном, позволил ему сделать несколько значимых выводов. Сначала, по его мнению, происходило превращение англичан и британцев, оказавшихся в Новом Свете, из эмигрантов в переселенцев. Несмотря на последовавшее затем их превращение уже в собственно американцев, в основе американского кредо по-прежнему оставалась англопротестанская культура. Что же касается отличающихся, прежде всего, в расовом отношении других групп населения Соединённых Штатов, то они не рассматривались как часть американского общества. Более того, не стоял даже вопрос об условиях их последующей интеграции в это общество.

Согласно убеждению автора, американская вера уже в XVIII веке отличалась устойчивостью основных положений. Уходя своими истоками в пуританизм, эта вера в полной мере восприняла пуританские идеи индивидуальной совести и личной ответственности, определившие приверженность американской культуры «индивидуализму, уважению прав человека на свободу мнения и вероисповедания» [8, с. 117]. Не менее значимы для англопротестантской культуры и «американской мечты» определённая рабочая этика, утверждающая право на труд и право на вознаграждение за труд. В подтверждение этого тезиса автор приводит слова человека, «который сделал себя сам» – президента Клинтона: «Американская мечта, на которой все мы выросли, очень проста и чрезвычайно притягательна – если упорно трудиться и играть по правилам, обязательно получишь шанс подняться так высоко, как только позволит Господь» [8, с. 121].

Но далее в полной мере разворачивается тревога автора за судьбу американского кредо. Она берёт начало, прежде всего, из его представлений о хрупкости наций: «Нация возникает лишь когда группа людей признаёт себя нацией; а воззрения этих людей на собственную общность могут быть весьма переменчивыми» [8, с. 172]. Дополнительный источник для его беспокойства – сравнительно недавнее происхождение американской нации, в силу которого она оказывается еще более уязвимой [8, с. 172–173]. Хантингтон обращает наше внимание на то, что с 1689 по 1763 г. американцы совместно с британцами воевали против французов. Собственно же американцами они стали называть себя только с 1740-х годов. Как признал в 1915 г. президент Вильсон, только

«Гражданская война создала в стране то, чего в ней никогда ранее не существовало, – национальное сознание» [8, с. 190–191].

Столетие с 1860 по 1960-е годы рассматривается Хантингтоном уже как «"золотой век" американского национализма» [8, с. 192]. Основанием для подобной оценки могли стать и успехи в интеграции различных групп мигрантов в американское общество. Политика «плавильного котла», по-видимому, помогла американской нации успешно пройти ряд серьёзных испытаний, в том числе и Вторую мировую войну. Во всяком случае, как показали опросы экспертов, 1950-й год был «зенитом национального единства Америки» [8, с. 217–218]. Однако последующие 1960–1970-е годы, по мнению не только Хантингтона, явились временем, когда американской идентичности был брошен серьёзный вызов.

Состоявшееся признание культурного плюрализма, означающего, что внутри одного, в данном случае – американского, общества существует множество различных культурных групп и вызвало беспокойство у автора. Он увидел во всём этом отказ от идеи американизации, заставивший его взяться за свою книгу. С негодованием учёный пишет об американских политических лидерах: «В 1960-х и 1970-х годах они стали предпринимать шаги, целью которых было ослабить культурную и идеологическую идентичность Америки...» [8, с. 224]. Основным средством подобных деконструктивистских, в его оценке, действий явилось то, что «права групп и расовых сообществ признавались приоритетными по сравнению с правами личности, этой неотъемлемой части "американской веры"... Истинной же целью всех этих манипуляций была деконструкция американской идентичности, создававшейся на протяжении трёх столетий, и возвышение идентичностей субнациональных» [8, с. 223]. Поэтому Хантингтон не принимает поздравление президента Клинтона «с освобождением из-под ига доминирующей европейской культуры» [8, с. 222].

Причину происходящих изменений автор увидел в том, что «это был американский вариант глобального подъёма субнациональных идентичностей, оказавшегося в результате причиной кризиса идентичностей национальных во всём мире» [8, с. 225]. Указанные и некоторые другие обстоятельства вынудили Хантингтона констатировать: «Культы мультикультурализма и многообразия заняли место культов левизны, социалистической и пролетарской идеологии» [8, с. 226]. Тем не менее, он всё же был убеждён, что «война с деконструкционистами ещё не закончена, ещё не решено окончательно, куда пойдёт Америка, будет ли она нацией индивидов с равными правами и общими культурой и верой – или превратится в ассоциацию расовых, этнических и культурных субнациональных групп, удерживаемых вместе надеждой на материальные прибыли благодаря развитой экономике и компетентному управлению» [8, с. 227–228]. Основанием его убеждённости стала уверенность в том, что: «"коалиция деконструктивистов" не нашла поддержки у простых американцев» [8, с. 224]. Но не только «пропасть между народом и элитой» придала автору силы выступить против «культы многообразия». Он приводит данные, как в середине 1990-х годов даже некоторые «правительственные чиновники и судьи в рамках движения сторонников идентичности «добились проведения

референдума за отмену программы “позитивных действий” и двуязычного образования» [8, с. 227].

Фокусом многих проблем современной Америки для Хантингтона стала дилемма двуязычия, возникшая после принятия в 1967 г. закона «О двуязычном образовании», поскольку он рассматривает язык в качестве основы общества. По-видимому, для разоблачения намерений своих оппонентов по разрушению американского образования было приведено высказывание Д. Бэнкса, представленного в качестве ведущего теоретика мультикультурализма: «Основной целью движения мультикультуралистов является реформа школьного и высшего образования, по завершении которой учащиеся, принадлежащие к разным расовым, этническим и социальным группам обретут равные права в получении образования... мультикультуралисты понимают это выражение... как гарантию “адекватного отражения в учебном расписании” интересов представителей различных культур, рас, этнических групп и социальных слоёв» [8, с. 272–273].

Но и в данном случае Хантингтон находит повод для оптимизма. Он видит его в развернувшемся движении в поддержку английского языка. По инициативе его участников, указывает Хантингтон, с 1980 по 2002 г. было проведено двенадцать “языковых” референдумов в трёх городах и четырёх штатах [8, с. 261]. Результаты получились достаточно показательными. Так, в 1988 г. в Аризоне незначительным большинством всё же удалось провести поправку к штатной конституции, признававшей английский государственным языком штата. В 1998 г. в Калифорнии только около 40% участвующих проголосовали за двуязычие в образовании. Но на референдуме 2002 г. в Колорадо уже 56% опрошиваемых высказались за двуязычное образование [8, с. 263].

Позицию противников внедрения образования на других языках кроме английского Хантингтон подкреплял словами преподобной Эллис Каллахан, служителя епископальной церкви и директора Центра испанского языка: «Родители не хотят, чтобы их дети, став взрослыми, проливали пот в прачечных или шли в уборщики. Они хотят, чтобы их дети поступали в Гарвард и Стэнфорд, а этого не произойдёт, если ребята не научатся говорить и думать по-английски» [8, с. 267].

Как уже указывалось, основные угрозы американской идентичности автор связывал с массовой миграцией последнего времени. Причиной его озабоченности состоянием американского общества стал вывод о том, что «ассимиляция современных иммигрантов протекает медленнее и труднее и многим отличается от ассимиляции предыдущих поколений иммигрантов. Более того, сегодня она далеко не всегда означает именно американизацию. Особенно затруднительной представляется ассимиляция мексиканцев и прочих испаноязычных иммигрантов» [8, с. 291]. Проанализировав опыт иммиграции предшествующего периода, Хантингтон показывает: «Исторически Америка была обществом ассимилированных иммигрантов, причём ассимиляция применительно к этой стране означала американизацию» [8, с. 290]. Он смог и установить причину успеха политики «плавильного котла» в XIX – первой половине XX века: «Иммигранты прибывали из множества стран, и за всю историю иммиграции не было случая, когда какая-либо национальность и какой-либо язык оказы-

вались доминирующими в иммигрантской среде. В Америке иммигранты концентрировались в этнических сообществах, разбросанных по всей территории США; ни одной иммигрантской общине не удалось составить большинство населения в каком-либо регионе или хотя бы крупном городе» [8, с. 291]. Оценив полученный опыт адаптации мигрантов различного происхождения Хантингтон приходит к выводу: «Иммигранты из Индии, Кореи, Японии и с Филиппин, где образовательные системы во многом напоминают американскую, быстрее адаптируются к жизни в Америке, усваивают культуру США и через смешанные браки становятся элементами структуры американского общества... Что же касается латиноамериканцев, прежде всего из Мексики, их адаптация к Америке происходит существенно медленнее. Отчасти это объясняется большим количеством мексиканских иммигрантов и плотностью их расселения на территории США. Уровень образования мексиканских иммигрантов и их потомков всегда был одним из наихудших во всей иммигрантской среде; сравнивать же этих людей с коренными американцами попросту бессмысленно». Однако в Соединённых Штатах есть и ещё одна группа, вызывающая беспокойство автора: «Мусульмане, в особенности арабы, ассимилируются, как кажется, медленнее всех других современных иммигрантских сообществ. Возможно, в известной мере это связано с предубеждениями христиан и иудеев против мусульман, усилившимися в конце 1990-х годов благодаря многочисленным террористическим актам...» [8, с. 295]. Тем не менее, в дальнейшем он не уделял особого внимания данной общности.

Как полагает Хантингтон, власти допустили серьёзную ошибку в иммиграционной политике. Раньше мигрантов всегда строго перемешивали, чтобы не допускать компактного их расселения. Не случайно в 1818 г. Конгресс отклонил прошение ирландско-американской организации взять в аренду часть Северо-Западных территорий, а новые штаты принимались в союз после того, как Конгресс убеждался в наличии здесь англоговорящего большинства. С либерализацией миграционного законодательства, указывает Хантингтон, этот принцип был нарушен. В результате кубинцы оказались в основном сконцентрированными в районе Майями, мексиканцы – на Юго-Западе [8, с. 304–305]. Как констатирует автор книги, в такой ситуации не приходится удивляться данным о том, что около 21 млн. иммигрантов плохо говорят по-английски [8, с. 316]. Положение с выходцами из Мексики усугубляется существованием общей границы с Соединёнными Штатами: в 1990-е годы в США проникало до 300 тыс. нелегальных мигрантов в год. В силу такой географической приближённости выходцы из Мексики оказываются в Соединённых Штатах на положении «полуселенцев», которые всегда могут на выходные съездить на родину. Ещё один показательный фактор для современных мигрантов в США – движение за двойное гражданство или пребывание в стране без получения её гражданства. По данным автора, гражданами США на тот момент являлись лишь 23% испанос [8, с. 326]. Прямым результатом отказа от курса на американизацию, как, по-видимому, полагал автор, можно считать и результаты опроса 1992 г. в Калифорнии, в ходе которого только от 1,9 до 9,3% участвующих в нём детей дали ответ, что считают себя американцами. Чаще же они указывали такие варианты идентификации, как американские мексиканцы

(чиканос), испанос [8, с. 379]. Что происходит с ценностями современных иммигрантов в США можно понять, например, из вывода, согласно которому «ни одна мексиканская община не верит в образование и упорный труд» как основу успеха [8, с. 399].

Подобное может происходить в Соединённых Штатах, по мнению Хантингтона, не только в силу некоторых особенностей, присущих иммигрантам, в данном случае, испанос, испаноязычным или латинос. Столь негативные явления он вновь связывал с транснационализацией элиты, сделавшей ставку на культуру вместо идеологии. Хантингтон писал, что для левых и транснационалов национальная идентичность стала уже подозрительным явлением [8, с. 427]. Последствия подобного отношения продемонстрировали данные всемирного социологического опроса 1990–1991 гг., показавшего, что «свыше 98% коренных американцев, иммигрантов, неиспаноязычных белых и чернокожих и 95% испаноязычных (*hispanics*) утверждали, что “гордятся своей страной”, а вот идентификацию с Америкой назвали приоритетной 31% коренных жителей и неиспаноязычных белых; среди чернокожих этот показатель сократился до 25%, среди испаноязычных – 19% и среди других иммигрантов – до 17%» [8, с. 430–431].

Но поскольку всё уже случилось и в США стали реальностью различные мигрантские сообщества, остающиеся достаточно обособленными от собственно американского общества, то Хантингтон вполне обоснованно обратился к их анализу. Он видит разницу между объединениями мигрантов и общностями, т.е., коренным населением. Поэтому индейцы для него – это «единственное этническое меньшинство, де-юре обладающее территорией». Мигрантов учёный рассматривает как диаспоральное образование, а собственно диаспоры – как «транснациональные этническо-культурные сообщества» [8, с. 432]. Новая роль этнических диаспор в США обусловлена также изменением к ним отношения со стороны их стран происхождения. Как отмечает автор, «усилия национальных правительств по развитию и либерализации экономики и по внедрению в глобальную экономику (здесь можно упомянуть такие страны, как Китай, Индия и Мексика) также обернулись возрастанием роли диаспор и конвергенцией экономических интересов диаспор и стран их происхождения». Для большинства стран их диаспоры теперь своего рода достояние. Мексика стала поддерживать свою эмиграцию с 1980-х годов, внедряя таким образом, по словам одного из чиновников, идею глобальных наций. Поддержка, в частности, выражается в том, что людям, желающим выехать из страны, сохраняется мексиканское гражданство. Результаты подобной политики не заставили себя ждать – население Мексики на начало 2000-х годов, по заявлению президента страны В. Фокса, составляло около 100 млн. человек и ещё примерно 23 млн. мексиканцев находились в США. Но вместо какого-либо беспокойства по данному поводу мексиканский лидер заявил: «Мы салютуем этим героям» [8, с. 438]. В одном только Лос-Анджелесе на этот период, по данным автора работы, насчитывалось до 4,7 млн. американцев мексиканского происхождения [8, с. 440]. Учитывая же, как утверждает Хантингтон, что в 2002–2003 гг. общая сумма трансфертов всех иммигрантов должна была превысить

100 млрд. долл., можно понять причину потепления отношения Мексики к диаспорам своих мигрантов [8, с. 444].

Проанализировав основные этапы исторического становления и развития американской нации и происходящие в ней современные процессы, Хантингтон попытался обрисовать и некоторые перспективы для неё. Он полагает, что состояние национальной идентичности будет зависеть от следующих трендов:

- «фактического исчезновения этнической компоненты как источника идентичности белых американцев;
- постепенного стирания расовых различий и уменьшения значимости расовой принадлежности;
- растущей численности и растущего влияния испаноязычной общины, следствием чего станет тенденция к языковому и культурному разделению Америки;
- расширения пропасти между космополитической идентификацией элит и приверженностью нации традиционной идентичности» [8, с. 459].

Перспектива сохранения Америки как мультирасового общества в представленных обстоятельствах, как уверен Хантингтон, по-новому ставит вопрос о будущем белого населения в стране. Но в духе времени «слово “белый” в этом ярлыке отнюдь не является строгим определением и отнюдь не означает, что в подобные движения заказан путь представителям других рас и других цветов кожи. Оно означает, что “большинство в движениях нативистов составляют именно белые, а цель движений – сохранение (или возрождение) той Америки, которую они считают “белой Америкой”» [8, с. 484]. Основанием для беспокойства автора явились, прежде всего, некоторые тенденции в динамике изменения состава населения страны. Он приводит данные, согласно которым «в 1990 г. белых среди населения США было 75,6%, а в 2000 г. – уже 69,1%»*. В результате происходящей концентрации мигрантов, например, в 2000 г. неиспаноязычные белые оказались меньшинством уже в 48 из 100 городов. Дальнейшая перспектива вообще выглядит для Хантингтона очень тревожной: «По прогнозам демографов, к 2040 г. неиспаноязычные белые окажутся в Америке социальным меньшинством» [8, с. 487].

Поэтому автор считает, что пришло время действовать, а в поисках силы, которая может исправить положение в данной сфере, он обратился к свидетельствам об активизации движения **белых нативистов**. Вслед за исследователем Джоном Хайамом Хантингтон характеризует это движение как «интенсивную оппозицию внутреннему меньшинству», отделяя его от маргинальных экстремистских групп и организаций, того же Ку-клукс-клана [8, с. 484–485]. Но и в такой достаточно щекотливой ситуации, когда так легко оказаться на поле националистической идеологии, автор труда «Кто мы?» пытается сохранить свою позицию учёного, предполагающую обоснование предлагаемых утверждений. Делая ставку в исследовании проблемы на концепт идентичности, он полагает, что пока ещё доминирующая в стране общность должна уже научиться воспринимать себя как одну из расовых групп, так как «отмирание этнической принадлежности порождает “вакуум идентичности”, который с успе-

* В 2010 г. белые составляли 72,4%.

хом может заменить более широкая, нежели этническая, белая расовая идентичность...» [8, с. 490].

Найдя новое обоснование возвращению значения расовых различий, Хантингтон с удовлетворением отмечает проявление нативистских антииммигрантских настроений и успехи партий, стоящих на таких позициях, в Европе. Но он полагает, что «в Америке белый нативизм, скорее всего, “материализуется” не как политическая партия, но как политическое движение, которое станет оказывать влияние на политику обеих существующих партий» [8, с. 489]. Подобные идеи и стали причиной критики общей концепции «Кто мы?». Наряду с необходимостью возрождения роли расовых аспектов в укреплении национальной идентичности США, Хантингтон призвал и к переоценке роли религии в данном процессе. По его мнению, опыт Советского Союза продемонстрировал: «Нация, чья идентичность определяется только политической идеологией – хрупкая нация» [8, с. 527]. Поэтому он предлагает снова усилить в американском кредо роль религии.

Справедливости ради, следует отметить, что автору не всегда удаётся выдержать академический дискурс при обсуждении вопросов взаимодействия между основными общностями населения страны. Хантингтон не намерен поступать своими принципами, а также по-своему понимаемыми национальными интересами. Он постарался разоблачить устремления поборников испаноснаподобие Уильяма Флореса и Рины Бенмайор. Для него совершенно ясно, что «что сторонники латино открыто объявили о своих целях. Первая цель – предотвратить ассимиляцию испаноязычных иммигрантов и их интеграцию в англопротестантское общество... По мнению указанных выше и других авторов, *Hispanics* не следует приобщаться к американской идентичности – напротив, они должны поддержать нарождающуюся “латинскую” идентичность, политическое и социальное сознание латино» [8, с. 493–494]. «Вторая цель *Hispanics* вытекает из первой и заключается в трансформации Америки из единого общества в общество двух языков и двух культур» [8, с. 494]. Несмотря на столь разрушительные намерения испанос, многие американцы, как полагают авторы, не бьют тревогу, так как они смотрят на них лишь в общем потоке иммиграции и поэтому теряют реальный масштаб этой общности [8, с. 497].

Как уже было показано ранее, Хантингтон неоднократно упрекал элиту не только своей страны в транснационализации, вызывающей к жизни политику, не соответствующую его пониманию национальных интересов. Теперь же перед лицом столь «вопиющих фактов» в своём алармистском порыве учёный заходит так далеко, что называет современный ему политический режим не представительской демократией и бросает обвинение, что элиты теперь действуют против общества [8, с. 507]. Одно из исследований, посвящённое тому, «влияет ли изменение общественного мнения на политический курс», свидетельствует, что с 1970-х годов наблюдается все возрастающее несоответствие между приоритетами нации и государства: в 1970-х годах интересы народа и правительства совпадали на 75%, в 1984–1987 годах это соотношение сократилось до 67%, в 1989–1992 годах – до 40% и в 1993–1994 гг. – до 37%. Данные указывают, говорится в исследовании, что «на сегодняшний день преобладает тенденция к игнорированию общественного мнения, особенно ярко проявившаяся

себя в первые два года президентства Клинтона» [8, с. 517]. Основанием для столь резкой оценки могло послужить и заявление этого президента от 14 июня 2000 г.: «Очень надеюсь на то, что я – последний президент в истории Америки, не знающий испанского языка» [8, с. 505].

В последней, 12-й главе книги Хантингтон снова озабоченно рассуждает о будущем своей страны. Его волнует вопрос – какая роль более соответствует месту Америке в мире – космополита, империи или нации? Вариант космополита для него связан с мультикультуралистским состоянием, предшествовавшим событиям сентября 2001 г. В этом случае «национальная идентичность утратит значимость в сравнении с другими идентичностями».

Космополитическая альтернатива открывает Америку миру, и мир пересоздаёт Америку. Сценарий империи, связанный с идеей превосходства, означает, что «уже Америка пересоздаёт мир» [8, с. 567]. Ещё более неоднозначным оказывается у него национальный подход, признающий отличия Америки от других стран. «Она не может превратиться в мировую державу и оставаться собой, также как представители других обществ не смогут стать американцами и оставаться при этом прежними» [8, с. 569]. Показав возможность развития страны по нескольким альтернативным сценариям, Хантингтон уверенно делает свой выбор: «Америка отличается от остальных, она уникальна, и эта уникальность в значительной мере определяется её религиозностью и англо-протестантской культурой. Альтернативой космополитизму и империализму является национализм, предназначение которого – сохранять и приумножать достоинство Америки, то есть те качества и признаки, которые отличали американцев от прочих наций на протяжении столетий» [8, с. 569]. Но, тем не менее, автор не ставит точку, он оставляет в конце своего исследования многозначие: «Америка становится миром. Мир становится Америкой. Америка остаётся Америкой. Космополитическая? Имперская? Националистическая? Американцам предстоит сделать выбор, который определит и судьбу нации, и судьбу всего мира» [8, с. 572].

Таким образом, критики, в частности Э. Спирова, были не совсем правы, упрекая Хантингтона в том, что он в своей работе ушёл от обсуждения расовых проблем и видел в религиозности лишь угрозу для Америки. Я отдаю также должное верному тону в обсуждении ситуации с национальной идентичностью в Соединённых Штатах. Поэтому такое внимание автор уделил основаниям американской идентичности, в качестве которых он вполне обоснованно видел американское кредо и англо-протестантскую культуру. Несомненное достоинство книги проявляется и в том, что даже не специалист по Соединённым Штатам может получить из неё достаточно полное представление о состоянии и взаимоотношениях мигрантских диаспор с принимающим обществом этой страны, конечно, с поправкой на принятый учёным ракурс. При этом автор, например, не скрывает внутреннюю разнородность, сохраняющуюся у разных групп испаноязычного населения.

Более серьёзными можно рассматривать упреки Хантингтону в его натиivistских упованиях. В них, действительно, проявляются глубокие противоречия, присущие представлениям автора о сути рассматриваемых проблем, в данном случае о месте испаноязычных диаспор в американской нации. С одной

стороны, появление указанных противоречий можно объяснить тем, что С. Хантингтон являлся одним из патриархов современной американской политической науки. Профессиональное становление и формирование его взглядов пришлось в основном на конец 1940-х – 1950-е годы, т.е. на совершенно определённые общественно-исторические условия, когда значение и роль того же этнического фактора не принимались во внимание. С другой стороны, долгая научная карьера позволила автору увидеть мир, кардинально отличавшийся по своим устоям от того положения, которое характеризовало его в период «холодной войны». Но в отличие от своих предшествующих работ, в «Кто мы?» Хантингтон, как и многие другие специалисты, действительно вышел в новое для себя исследовательское поле, связанное с проблемами мигрантов, которое характеризуется многообразием содержащихся в нём измерений, включая и этническое. Как оказалось, попытка автора обойтись в данном случае политологическим и историческим анализом проблемы, пускай и приправленным новомодной идентичностью, оказалась не совсем адекватной поставленным им задачам. Новый этап демократического транзита, зафиксированный и самим Хантингтоном, вызвал к жизни очень усложнённую реальность, которая требовала применения адекватных исследовательских средств. Но, по-видимому, автор, как и многие из его коллег, не в полной мере оказался подготовленным в данном отношении. Ведь, фактически, основной пафос его трудов оказался направленным на восстановление в XXI веке иммиграционной политики, сложившейся в социально-политическом контексте XIX – первой половины XX века. Такая мера, по его убеждению, могла бы обеспечить сохранение ядра англо-протестантской культуры США. Следовательно, как квалифицированный исследователь Хантингтон смог уловить основные изменения, произошедшие в характере и положении мигрантских диаспор, прежде всего латиноамериканских, в США к 1990-м годам, и их возможное воздействие на положение дел в стране. Но, будучи ограничен своими концептуальными представлениями, он не смог предложить более реалистического суждения о тенденциях развития этой ситуации и управления ею в интересах американской нации.

Главным нарушителем сложившегося порядка, сумевшим бросить ему прямой вызов, действительно, может рассматриваться испаноязычная культура. Основанием для подобного утверждения является, как показал сам автор, во-первых, численность испаноязычной общности. Во-вторых, сохранившееся достаточно компактное её расселение в нескольких южных штатах, прежде всего в Калифорнии, Техасе, Флориде. В силу уже приведённых обстоятельств, представители данных общностей могут сохранять свой язык и традиционные культурные нормы. Так что, Хантингтон был вполне прав в своём заключении о внедрении и сохранении, по крайней мере, в ближайшей перспективе в Соединённых Штатах альтернативной по отношению к англо-протестантской культуры. Другое дело, что его уверенность в необходимости скорейшего замещения этого новшества доминирующей культурой уже не вполне состоятельна. Не случайно один из ведущих современных специалистов по этнорасовым проблемам Д. Холлинджер (Университет Беркли), принадлежащий к другому научному поколению, предложил уже идею постэтнической (космополитической) перспективы для Америки [9].

Противоречивость позиции Хантингтона можно объяснить также её сфокусированностью на проблемах, связанных с отношениями с одной из ведущих общностей страны. Если бы он не упускал из вида положение коренного (индейского) населения и общности афроамериканцев, то тогда бы увидел, что политика американизации не была столь универсальной и раннее. Нельзя было так откровенно игнорировать и раскол конца 1960-х годов в самом американском («белом») обществе, связанный с оформлением тогда ещё молодёжной субкультуры. Поэтому для признания значимости феномена культурного многообразия, получившего выражение в виде идеи возможности существования различных культур и идентичностей в рамках одного общества, были более глубокие основания. Хантингтон убедительно показал возрастающее значение испаноязычных диаспор в современной Америке, но он явно не прав в оценке перспектив американской нации. Ведь та же молодёжная субкультура уже стала неотъемлемой частью современной американской культуры, несмотря на свои вначале откровенно бунтарские лозунги и действия. Точно так же в перспективе и испаноязычные диаспоры смогут влиться в американскую культуру. Другое дело, что при этом сама национальная культура не сможет остаться прежней, и с неизбежностью должна будет вобрать в себя какие-то черты культуры этих диаспор. Последнее обстоятельство и вызвало тревогу Хантингтона, но в силу своего позднего обращения к проблемам культуры и этничности он не сумел верно понять вектор развития процессов, ещё не получивших чёткой определённости. Для этого необходимо было преодолеть порог восприятия той же культуры, нации, диаспоры и т.д. не только как определённых феноменов, но и научиться воспринимать их как динамические явления, предполагающие изменчивость присущих им основополагающих характеристик. Этого шага автор рассматриваемой работы так и не успел сделать. Он был знаком с гипотезой «модели зарождающегося этноса», согласно которой «этнические идентичности складываются в результате общего опыта группы иммигрантов, например, групповой дискриминации». Мало того, даже принял для себя вывод, «что модель зарождающегося этноса превосходит модель трёх поколений с точки зрения соответствия действительности». Но под влиянием своих установок автор пришёл к заключению – такие данные лишь «доказывают упорное нежелание "американских мексиканцев" идентифицировать себя с Америкой» [8, с. 380].

Таким образом, спорные выводы, предложенные Сэмюелем Хантингтоном, а также и некоторыми другими авторами, о перспективах развития американской нации, связанные с возрастанием значения в стране иммигрантских диаспор, показывают, что решение проблем подобного рода уже невозможно в рамках ограниченных подходов и концепций отдельных дисциплин и даже отраслей знания. В свете современных представлений и требований к процедуре научного исследования разработка указанных проблем должна осуществляться в рамках полидисциплинарного подхода, интегрирующего исторические, социологические, политологические, антропологические и другие данные. Однако постановка в повестку дня и реализация подобного интегративного подхода актуализирует проблему определения теоретических оснований для достижения необходимого синтеза. В настоящее время роль таких оснований вы-

полняет чаще всего концепция идентичности. Но, как представляется уже на основе анализа работы Хантингтона, этой концепции всё же недостаточно для разработки всего спектра вопросов, касающихся взаимоотношений мигрантов с принимающим обществом. В силу особенностей своего формирования и развития Соединённые Штаты Америки представляют особый интерес в плане исследований проблем опыта интеграции различных групп мигрантов и взаимодействия отдельных общностей. Можно также утверждать, что дальнейшее изучение этого опыта существенно продвинет нас в разработке теории устойчивости многосоставных обществ. Но для этого нужно использовать более эвристичную, чем идея идентичности, концепцию этничности и дополняющую её теорию этноса.

Список литературы

1. *Бурстин Д.* Американцы: колониальный опыт. М.: Прогресс-Литера, 1993. 479 с.
2. *Бурстин Д.* Американцы: национальный опыт. М.: Прогресс-Литера, 1993. 647 с.
3. *Бурстин Д.* Американцы: демократический опыт. М.: Прогресс-Литера, 1993. 831 с.
4. «Коренной американец» Сэмюэль Хантингтон защищает родину. Рецензия на книгу *С. Хантингтона*. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. // Foreign Affairs (<http://www.inosmi.ru/world/20040528/209945.html>).
5. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 309 с.
6. Латиноамериканские диаспоры в США. М.: Наука. 2003. 280 с.
7. *Спирова Э.* «Не узнаю теперь я сам себя...». Рец. на книгу С. Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» // Вестник Аналитики. 2009. № 1. С. 157–160
8. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной действительности. М.: АСТ. Транзиткнига, 2004. 635 с.
9. *Hollinger D.* Post-Ethnic America: Beyond Multiculturalism. N.Y.: Basic Books, 2005. 312 p.
10. *Huntington S.* Who Are We? Challenges to America's National Identity N.Y.: Simon & Schuster, 2004. xvii+428 p.
11. *Schlesinger A.M., Jr.* The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society. Norton, 1991. 160 p.